

Военный переворот в Чили и гринго

Статья опубликована в двух номерах основанной и издававшейся Маркесом левой газеты «Альтернатива» (Богота, 1974–1981): «Чили, гринго, переворот», № 1, март 1974; «Гринго бомбардировали дворец Ла Монеда, № 2, сентябрь 1974.

В конце 1969 года в одном доме в пригороде Вашингтона три генерала из Пентагона ужинали с четырьмя чилийскими военными. Принимал гостей Херардо Лопес Ангуло, тогда еще полковник военно-воздушных сил и атташе при дипломатической миссии Чили в Соединенных Штатах, а приглашенными были его коллеги из разных родов войск. Ужин давался в честь генерала Карлоса Торо Масоте, начальника военно-воздушной Академии Чили, приехавшего днем раньше на учебу в столицу США. Вашингтон ежился под мокрым снегом, а гости с удовольствием ели фруктовый салат и телятину с горошком, запивая винами далекой южной страны, где тепло и сверкают ярким опереньем птицы, и разговаривали по-английски о том единственном, что в то время по-настоящему интересовало чилийцев: о предстоящих в сентябре президентских выборах.

За десертом один из пентагоновских генералов спросил, как отреагирует чилийская армия, если на выборах победит кандидат от левых, Сальвадор Альенде. Генерал Масоте ответил:

— Через полчаса после такого известия мы штурмом возьмем дворец Ла Монеда, даже если для этого придется сжечь его дотла.

Одним из приглашенных был генерал Эрнесто Баэса, ныне возглавляющий Управление национальной безопасности Чили, а во время недавнего военного переворота отдавший приказ штурмовать и поджечь президентский дворец. Двое его тогдашних подчиненных также в одночасье сделались знаменитыми — возглавивший военную хунту генерал Аугусто Пиночет и участник последнего боя с Сальвадором Альенде генерал Хавьер Паласиос. В том ужине участвовал также Серхио Фигероа Гутьеррес, нынешний чилийский министр общественных работ и близкий друг другого члена хунты, генерала Густаво Ли — того самого, который отдал приказ о ракетном обстреле Ла Монеды. Седьмым в числе приглашенных был нынешний адмирал и морской губернатор Вальпараисо Артуро Тронкосо, известный кровавыми зачистками прогрессивно настроенного руководства на флоте, а также тем, что именно он на рассвете 11 сентября подал сигнал к мятежу.

Тот исторический ужин был первым контактом чилийского военного руководства с Пентагоном. Последовали и другие, в Вашингтоне и Сантьяго, и было выработано общее решение о том, что наиболее верные интересам Соединенных Штатов чилийские военные возьмут власть в своей стране силой, если коалиция Народного единства победит на выборах. Проект просчитывался с профессиональным спокойствием, как всякая другая военная операция, и без какого-либо учета реальных особенностей чилийского общества.

Все произошедшее стало результатом длительного процесса, следствием глубоких и постоянно действующих факторов мировой политики, а отнюдь не давления на Чили североамериканской корпорации ИТТ (Международный телефон и телеграф), как может кому-то показаться. На полную мощность этот процесс запустили Пентагон и Разведывательное управление Министерства обороны США. Конкретная работа под политическим

руководством Совета по национальной безопасности проводилась ФБР и Разведывательным управлением Военно-морских сил США — исполнителем операции. Почему решили привлечь военно-морские силы, а не сухопутные, понятно. Чилийскому перевороту должны были сопутствовать совместные учения чилийских и североамериканских морских частей в акватории Тихого океана под кодовым названием «Операция Унитас». Маневры были назначены именно на те сентябрьские дни, когда должны были проводиться президентские выборы. Так что в Чили в это время на море, на земле и в небе скопилось огромное количество смертоносного оружия и людей, отлично им владевших, людей, специально обученных искусству и науке массового истребления себе подобных. Именно в те дни Генри Киссинджер заявил вдруг в частной беседе: «Меня совершенно не интересует, что происходит в мире южнее Пиренеев». Еще и поэтому невозможно поверить, что они с президентом Никсоном не имели ни малейшего отношения к чилийскому перевороту, план которого был проработан до мельчайших деталей.

Территория Чили протянулась с севера на юг узкой полосой в 4270 километров длиной и 190 шириной. Два из десяти миллионов населения страны проживают в столице, в Сантьяго. Величие любой страны измеряется не средним уровнем её достоинств, а планкой, которой измеряются ее высшие, исключительные достижения. Чили получает доход, строго говоря, только от медной руды — зато это лучшая в мире медная руда, и по объемам ее добычи страна уступает только США и СССР. Еще в Чили делают вина, ничуть не хуже европейских, но почти не экспортируют их — чилийцы предпочитают выпивать их сами. Ежемесячный средний доход на душу населения — шестьсот долларов, один из самых высоких в Латинской Америке, но почти половина валового национального продукта распределяется внутри небольшой

группы населения в триста тысяч человек. В 1932 году Чили на короткое время стала первой на континенте социалистической республикой, которая объявила при горячей поддержке трудящихся о национализации угольных и медных шахт — только длился их опыт недолго, всего тринадцать дней.

Землетрясения в Чили происходят регулярно и часто, мелкие — чуть ли не через день, а опустошительные — каждые три года. Геологи, даже те, что не настроены апокалиптически, утверждают, что Чили расположена не на континенте, а на карнизе Анд, сползающем в туманную бездну океана, и что вся эта страна, вместе с ее медными рудниками и нежными красавицами, обречена однажды исчезнуть в чудовищном катаклизме.

Чилийцы — самые симпатичные люди нашего континента. Они любят жизнь и умеют получать радость от жизни, порой даже переходят в этом границы. Есть у них такой недостаток: они обожают предаваться рискованной интеллектуальной созерцательности, впадая при этом в радикальный скептицизм. «Скажите чилийцу, что завтра вторник, и он тут же усомнится в этом», — сказал мне однажды чилиец... и тут же усомнился в сказанном им самим. Так или иначе, но то ли благодаря этому скептицизму, то ли вопреки ему, чилийцы умудрились сохранить связь с природой, достигнув при этом высокого уровня цивилизованности, культуры и политической зрелости. Из трех нобелевских премий, перепавших Латинской Америке, две получили чилийцы. Один из них, Пабло Неруда, являлся величайшим поэтом нашего века. И Киссинджер прекрасно все это знал, когда говорил, что не интересуется происходящим «южнее Пиренеев».

В правительстве США к тому времени опирались не только на общеизвестные факты, но также изучили подспудные настроения самых разных слоев чилийского населения. Сведения собирали, «забыв» уведомить об этом

власти Чили, в ходе одной поразительной операции шпионско-политико-социологического свойства. Провели ее без лишней шумихи еще в 1965 году, присвоив операции название «Камелот».

То было основательно продуманное и подготовленное социологическое исследование. Были составлены сотни анкет и опросников для всех слоев населения и социальных групп. Организованно, скрытно и быстро были проведены социологические опросы по всей стране, вплоть до самых удаленных и захолустных сельских районов. Научный анализ собранной информации предоставил точные сведения об уровне политической сознательности и о социально значимых настроениях по всей стране. В анкетах, предназначенных для военных, был и тот вопрос, что задавался позже чилийским генералам, приглашенным на ужин в Вашингтоне: «Как вы отреагируете, если к власти придут коммунисты?» Вопрос сугубо провокационный. Заказчики социологического исследования с научной точностью просчитали вероятность победы Сальвадора Альенде на будущих президентских выборах.

Чили стала объектом данного социологического исследования далеко не случайно. Политико-экономические и социальные условия, рабочее движение с давними традициями, ум и воля незаурядных лидеров — все предрекало ей бурную судьбу. Анализ данных, полученных в ходе операции «Камелот», позволял утверждать, что именно Чили станет вторым после Кубы социалистическим государством в Латинской Америке. Таким образом, цель Соединенных Штатов была не только в том, чтобы сохранить свои инвестиции в Чили, препятствуя приходу Сальвадора Альенде к власти. Главная цель состояла в том, чтобы обкатать в Чили самую грандиозную, эффективную и жестокую манипуляцию, которую замыслил североамериканский империализм в Латинской Америке, чтобы позднее то же самое проделать в Бразилии.

4 сентября 1970 года, как и ожидалось, президентом республики был избран Сальвадор Альенде — врач, социалист и масон. Пентагон, однако, не сразу задействовал свой план, и причина, которую обычно называют компетентные люди, почти забавна. В Чили собирались везти двести специалистов по свержению правительств под видом хора военных моряков с оркестром, в том числе несколько адмиралов без каких бы то ни было музыкальных способностей. Запросили для них двести виз, в которых новое чилийское правительство Штатам отказало, быстро разобравшись в подлоге. Оплотность Пентагона задержала начало военной операции, но не изменила ее сути. Позднее ЦРУ и посол США в Чили Эдвард Корри признавали, что речь шла именно о военной операции, не имевшей ничего общего с культурным обменом и социальным развитием страны.

И в самом деле, победа Народного единства не вызвала никакой паники населения, на которую так рассчитывал Пентагон. Наоборот, независимая и смелая внешняя политика Альенде и его экономические решения быстро создали в обществе праздничную, взволнованную атмосферу больших ожиданий. За первый год его правления были национализированы сорок семь промышленных предприятий и половина банков. Аграрная реформа изъяла из частной собственности и передала обществу 2400 000 гектаров лучших сельхозугодий. Уменьшилась инфляция, почти полностью исчезла безработица, зарплаты выросли на сорок процентов.

Еще предыдущее правительство христиан-демократов начало процесс национализации медных рудников, но единственное, что они сделали реально — это выкупили пятьдесят один процент акций предприятий меднорудной промышленности. Только один рудник, Эль Теньенте, был выкуплен полностью. Народное единство одним-единственным законодательным актом вернуло чилийскому народу все залежи меди в богатых место-

рождениях Анаконда и Кеннекотт, которые разрабатывались североамериканскими компаниями. Причем без компенсаций. Правительственные эксперты подсчитали, что за пятнадцать лет эксплуатации месторождений компании получили восемьдесят миллиардов долларов сверхприбыли.

Мелкая буржуазия и маргинальные слои населения — на них организаторы военного переворота рассчитывали в первую очередь — неожиданно получили социальную поддержку, откуда не ждали: от перераспределения богатств, отнятых у олигархической финансовой верхушки и иностранного капитала. Армия, которая в социальном отношении тоже отчасти средний класс, не имела никаких причин поддерживать тех офицеров, что задумали военный переворот. Понимая все это, Христианско-демократическая партия не только не поддержала заговор, но и решительно воспротивилась ему: иначе она потеряла бы собственных избирателей. Цель у нее была другая: всемерно вредить правительству, чтобы получить две трети голосов в Конгрессе на выборах 73-го года. С таким большинством они могли бы потребовать отставки президента.

Христианско-демократическая партия Чили опиралась на широкое и неопределенное в классовом отношении большинство населения. На рабочих, которые получали высокую зарплату на современных промышленных предприятиях, на мелких и средних сельских собственников, на мелкую и среднюю городскую буржуазию. А Народное единство выражало волю беднейшего пролетариата, городского и сельского, а также низших слоев среднего класса.

Конгресс контролировался христианскими демократами в союзе с крайне правой Национальной партией. Народное единство контролировало исполнительную власть. Противостояние этих двух сил привело к политической поляризации всей страны. Курьезно, что като-

лик Эдуардо Фрей, на дух не выносивший марксизма, более всех преуспел в классовой борьбе. Именно он умело стимулировал ее, чтобы деморализовать правительство и обрушить страну в бездну экономической катастрофы и отчаяния.

Блокада, которую установили США в отместку за национализацию без компенсации, а также саботаж национальной буржуазии, довершили дело. В Чили производилось все необходимое для жизни, от автомобилей до зубной пасты, но ее индустрия являлась чилийской только номинально. Из ста шестидесяти важнейших промышленных предприятий сто контролировалось иностранным капиталом, и восемьдесят процентов необходимого им оборудования зависело от импорта. Мало этого, страна ежегодно нуждалась в трехстах миллионах долларов для закупки товаров широкого потребления и еще в четырехстах пятидесяти миллионах — для обслуживания внешнего долга. Открывшиеся кредиты от социалистических стран помогали разве что латать самые крупные дыры, не решая основной задачи, поскольку чилийская промышленность, сельское хозяйство и транспорт зависели от запчастей и расходных материалов из Соединенных Штатов. Чтобы поставить Чили зерно, Советский Союз был вынужден закупать его в Австралии — своего не хватало, а переводить чилийскому правительству существенные суммы в долларах приходилось через Евробанк в Париже. Куба прислала в подарок корабль с грузом сахара — скорее дружеский жест, чем реальная помощь. Все это не покрывало насущных потребностей страны. Когда же было объявлено, что вводится распределение по карточкам, на площади вышли упитанные и оживленные представительницы буржуазии с цветами на шляпках и в накидках из чернобурки. Женщины стучали поварешками в пустые кастрюли, изображая бедных и голодных. Этот уличный спектакль со всем его мишурным блеском был органи-

зован ровно в тот вечер, когда Фидель Кастро завершал свой тридцатидневный визит в Чили, агитационная энергия которого была сравнима лишь с землетрясением.

Сальвадор Альенде танцует в последний раз

Тогда президент Сальвадор Альенде понял — и сказал это вслух, — что у народа есть правительство, но не власть. Фраза более чем тревожная, особенно если учесть особенности Альенде как политика: он был так истово предан идее законности, что скорее отрекся бы от самого себя, чем от нее. За эту идею он пошел бы на смерть. Если бы Конгресс, действуя строго в рамках Конституции, отнял у него власть, он вышел бы из дворца Ла Монеда через парадный подъезд, мерным шагом, с высоко поднятой головой. Росанна Росанда, итальянская журналистка и политик, которая встретила с ним в те дни, нашла его постаревшим, напряженным, полным мрачных предчувствий. Он сидел во время разговора на том самом диване, обитом желтым кретоном, на который потом положат его труп — весь изрешеченный пулями и с лицом, разбитым прикладом винтовки. Даже самые лояльные фракции христианских демократов были теперь против него. «Даже Томич?» — спросила Росанна. «Все», — ответил Альенде.

Накануне мартовских выборов 1973 года, на которых решалась его судьба, подсчеты показывали, что Народное единство может рассчитывать на тридцать семь процентов голосов. И вот на фоне безудержной инфляции и карточной системы, под истерические завывания и стук поварешек о дно кастрюль, Альенде набрал сорок четыре процента голосов. Победа была такой блистательной и столь неоспоримой, что Альенде, оставшись наконец в кабинете только в обществе близкого друга Аугусто Оливаре-

са, закрыл дверь и лихо сплясал куэку*. Для партии Христианских демократов его победа стала доказательством, что демократический процесс, возглавляемый Народным единством, уже невозможно остановить легальными средствами. Воображения и аналитических способностей для того, чтобы представить последствия своей авантюры, им не хватило, и это пример непростительной исторической слепоты. Для Соединенных Штатов победа Альенде была предупреждением об опасности куда более страшной, чем потеря контроля над чилийской экономикой вследствие национализации. На глазах у всех подавался абсолютно недопустимый пример мирного социального прогресса — создавался опасный прецедент для Франции и Италии, где социально-политические условия вполне позволяли повторить опыт Чили. И реакция собрала в один кулак все силы — внутренние и внешние.

А вот партии Народного единства, наоборот, никак не могли прийти к соглашению относительно результатов мартовского голосования. Их разногласия приняли опасный оборот. Правительство не только оказалось без средств, но было раздираемо экстремистами, которые в радикализации общества видели шанс изменить социальный строй, и умеренными, которых пугал зловещий призрак гражданской войны, и они уповали на компромиссные соглашения с христианскими демократами. По прошествии времени очевидно, что переговоры, которые велись оппозицией, были попросту средством тянуть время и отвлечь внимание.

ЦРУ и забастовка капиталистов

Детонатором стала забастовка дальнобойщиков. Экономика Чили, страны с невозможной географией, полностью зависит от автомобильного транспорта. остано-

* Чилийский народный танец.

вите его — и застынет вся жизнь в стране. Оппозиции ничего не стоило это сделать: транспортники больше всех страдали от недостатка импортных запчастей и материалов и боялись, что правительство захочет их национализировать. Эта забастовка продержалась до самого конца трагических событий без единого сбоя, поскольку отлично финансировалась наличностью из-за рубежа. Пабло Неруда писал в те дни своему европейскому другу, что ЦРУ наводнило страну долларами, поддерживая забастовку капиталистов, отчего доллар на черном рынке сильно подешевел.

За неделю до переворота исчезли с прилавков оливковое масло, молоко и хлеб. В последние дни Народного единства, на фоне отчаянной нехватки ресурсов и угрозы гражданской войны, все усилия правительства и оппозиции были сосредоточены на одном: перетянуть на свою сторону армию, нарушить сложившееся в ней хрупкое равновесие противоборствующих сил. Последняя партия была разыграна изящно. За сорок восемь часов до переворота правительственная оппозиция сумела последовательно уволить одного за другим четырех крупных военачальников, стоявших во главе чилийской армии и сочувствующих Альенде, и заменить их на тех офицеров, что присутствовали на вашингтонском обеде.

Тогда-то события и вышли за пределы политических шахмат, презрев попытки ими управлять. Повинуясь беспощадной диалектике политики, игроки сами сделались пешками в чужих руках. Игра пошла уже другая, гораздо более сложная и политически значимая, чем заговор империализма и местной реакционной буржуазии против народного правительства. За этими событиями встала во весь свой ужасающий рост их причина — противостояние классов, воплощенный антагонизм их интересов. Кульминация этого столкновения стала катастрофой, подобной которой не знает история Америки.